

В каждой деревне взрослые держатся своего круга, а дети — своего. Старшие часто полагают, что малыши ничего не смыслят, а потому при них не таятся и в словах не стесняются. Если как следует расспросить детвору, непременно узнаешь много любопытного.

Цинцзя целыми днями пропадал с братьями на улице, и связей у него, если разобраться, было куда больше, чем у самого Цинъюя. Тот и поручил младшему сперва всё разузнать.

Сам же Цинъюй принялся за «воспитательную работу» с домашними. Гнев нужно было унять во что бы то ни стало — в доме двое стариков, и если они расстроятся вслед за остальными, добром это не кончится.

Крики во дворе Тао стихли. Соседи, хоть и чувствовали за собой вину, затаили обиду, но в открытую лаяться не решались — лишь ворчали, запершись в своих домах.

Шло время. Семья Тао жила как прежде: дела шли своим чередом, и ссору раздувать никто не спешил. Те, кто втайне распускал слухи, поначалу жили в страхе, но, видя спокойствие Тао, решили, что гроза миновала. Они и не подозревали, что Тао Цинъюй припас для них козырь.

Наступил вечер. В комнате Цинъюя теплился огонек свечи. Снаружи по соломенной крыше без умолку барабанил дождь, чей шум надежно скрывал голоса тех, кто собрался внутри.

— Вы уверены, что это они? — негромко спросил Тао Цинъюй.

Цинцзя, прижимая к себе Сяо Хуана, не отрывал взгляда от пляшущего пламени свечи. Младшие братья пристроились по бокам, согласно кивая головами в такт словам старшего.

— Это Янь-гээр сказал, — подтвердил Цинъя.

— Он слышал, как его тётушка за обедом ругалась, — добавил Цинмяо. — Говорила, что у них сердца гнилые и дела они творят черные.

Цинцзя дополнил:

— Тётушка за едой кости им перемывала, мол, не к добру они это затеяли.

В чем именно заключался злой умысел соседей, дети не знали.

— У всего есть причина, — рассудил Цинъюй. — Подождем и увидим.

Слухи уже разлетелись по всей деревне, но зачинщики так и не объявлялись. Зато к ним заглянул Тао Цзинь.

— Дядя Сяо Цзинь? Что привело вас к нам? — удивился Циньюй.

— В таверне дали выходные, — с сияющим лицом ответил гость. Его ухоженная борода, казалось, даже лоснилась от удовольствия. — Несколько дней тебя в уезде не видел. Вспомнил, что обещал угостить обедом, а до Нового года времени почти не осталось.

Циньюй уже и думать забыл о том уговоре.

— Да бросьте, я же пошутил тогда.

— А выглядел ты очень даже серьезно, — рассмеялся Тао Цзинь.

Циньюй пригласил его в дом и заварил чай из диких листьев, собранных в горах.

— Все свои, к чему такие церемонии? — приговаривал гость, но, сделав глоток горячего напитка после долгой дороги, блаженно зажмурился.

Он пробыл недолго и, когда Циньюй пригласил его к обеду, вежливо отказался. Вместо этого он выложил на стол заранее приготовленный расшитый мешочек.

— Возьми, это тебе.

Циньюй в недоумении взял подношение. Мешочек оказался увесистым — внутри было серебро, никак не меньше пятнадцати лянов.

— Что вы, дядя! Негоже давать такие огромные праздничные деньги.

Он попытался вернуть кошель, но Тао Цзинь лишь добродушно отмахнулся.

— Праздничные я тебе еще дам, не беспокойся. А это — то, что ты заслужил. Твои советы по счетоводству не должны пропасть даром.

Он поднялся и пояснил:

— Большую часть выделил хозяин таверны, а остальное я добавил от себя в знак благодарности. Но это — отдельно. А обед, как и обещал, за мной. Выбери время до праздников.

С этими словами он, заложив руки за спину, легкой походкой вышел со двора.

Домочадцы были заняты своими делами, и в горнице, кроме Цинъюя с тремя младшими, никого не было. Юноша задумчиво посмотрел на кошель.

Трое мальчишек замерли рядом. Их круглые глазенки так и сияли от любопытства и ожидания.

Тао Цинъюй вскинул брови:

— Что скажете? Не съездить ли нам в город через пару дней?

— Да! — Малыши радостным вихрем налетели на старшего брата.

Они знали: если Сяо Юй берет их в уезд — значит, будут сласти и обновы. Так бывало всегда.

Цинъюй обнял их всех разом.

— Значит, скоро всё устроим. Заодно и должок с дяди Сяо Цзиня стребуем.

***

Погода испортилась, и Цинъюй не рискнул вести детей в такую даль. Несколько дней они провели дома, дожидаясь тепла. И именно тогда на пороге появился тот, кого они так долго ждали.

В тот день двоюродному деду по материнской линии исполнялось шестьдесят. Бабушка Тао, прихватив почти всё семейство, отправилась на празднование в дом Цзоу. Те тоже жили в деревне Баоцюань, но на самом отшибе, на дальнем склоне.

Фан У, другие супруги братьев, Цинъюй, Циншу и младшие остались дома — они собирались подойти чуть позже. Вдруг в ворота постучали. Дети бросились открывать, взрослые тоже вышли на крыльцо.

— Кто там? — спросил Ян Цюэ.

— Это я, — из-за калитки показалась женщина.

Ян Цюэ нахмурился:

— Жена Ю Далана? Что тебе нужно?

Цинь Лихуа, не дожидаясь приглашения, проскользнула во двор.

— Мы ведь соседи, — елейным голосом запела она. — Неужто я не могу зайти в гости, посудачить?

Ян Цюэ горько усмехнулся:

— Иные соседи только и знают, что сплетни за спиной распускать. Мы всё слышали, а теперь у тебя еще совести хватает в наш дом заявляться?

— Ты же знаешь, — подхватила Сун Хуань, — у некоторых лица толще крепостных стен.

Цинь Лихуа и глазом не повела, продолжая лучезарно улыбаться. Она проигнорировала колкости и подошла прямо к Фан У.

— Я пришла не ссориться. По старой дружбе, ради вашего Юй-гээр стараюсь.

Фан У смерил её холодным взглядом и криво усмехнулся:

— Глядите-ка... А я как раз думал о тех поленьях, что забросил к вам во двор. Всё никак не заберу.

— Да брось, — отмахнулась гостья. — Я тогда быстро дверь заперла, не задело.

— И всё же лучше я их заберу, — Фан У шагнул к выходу.

Цинь Лихуа вцепилась в его рукав:

— Я их уже сожгла, что там забирать? Забудь, я не в обиде.

Тао Циньюй негромко фыркнул. Махнув рукой Сун Хуань и Ян Цюэ, он пригласил их присесть и раздал тыквенные семечки — представление начиналось.

— Сожгла, значит? — протянул Фан У. — Что ж, тогда я возьму одно из твоей поленницы.

— Да что ты заладил! Полено, полено... Я же по делу пришла. О будущем твоего сына поговорить.

— Ну, говори, мы слушаем.

Они так и стояли посреди двора. Фан У даже не подумал предложить ей сесть. Соседка, поглощенная своими мыслями, не обратила на это внимания.

— Пора бы гээр'у уже и о своей семье подумать, — начала она. — Муж, дети... Самое время. Да только у Сяо Юй репутация, прямо скажем, незавидная. Найти ему достойного супруга теперь задача не из легких.

Она сделала паузу, любуясь собственной значительностью.

— Но вы не печальтесь. Чужаки-то не знают, какой Сяо Юй на самом деле, а я-то всё вижу. Вот и решила я выступить свахой.

Она говорила, не в силах скрыть торжествующей улыбки. Женщина не замечала, как темнеет взгляд Фан У и как те, кто сидел позади с семечками, медленно поднимаются с мест, точно хищники перед броском.

Фан У скрестил руки на груди, на его губах играла опасная усмешка:

— И за кого же ты хочешь его сосватать?

Цинь Лихуа, решив, что дело в шляпе, хлопнула себя по бедрам:

— За моего племянника по материнской линии! Красавец, каких поискать, и в работе первый.

Она понизила голос, доверительно добавив:

— Не скрою, семья у них небогатая. Но вы не беспокойтесь: он согласен войти в ваш дом мужем-примаком.

— Неужто на свете бывают такие щедрые люди? — притворно удивился Фан У.

— Уж точно не в этом случае, — подал голос Тао Цинъюй. — Если я не ошибаюсь, у этого твоего «красавца» уже была жена?

Улыбка Цинь Лихуа на мгновение дрогнула, но она быстро взяла себя в руки.

— Это ничего не значит. Бедняжка сама занемогла и преставилась.

— Вот как? — протянул Цинъюй. — А не потому ли она занемогла, что её изнуряли непосильным трудом? И не потому ли преставилась, что твой племянник пожалел денег на лекаря и тянул до последнего?

Юноша сделал шаг вперед, и его голос зазвучал сурово:

— Насколько я слышал, и месяца не прошло со дня её смерти. Что же ты так торопишься пристроить своего племянничка? Не боишься, что покойница восстанет из могилы от такой несправедливости?

— И еще кое-что, — добавил он. — Поговаривают, племянник твой болен нехорошей хворью, которая к каждому, кто рядом, липнет. Ты-то сама не заразилась? А то, глядишь, уже и на тебе пятна пошли.

Тут уж Цинь Лихуа стало не до улыбок. Она непроизвольно поежилась, чувствуя, как по телу пробегает зуд.

— Юй-гээр, не смей так говорить! Племянник мой здоров как бык, откуда таким бредням взяться?

Тао Цинъюй улыбнулся — мягко и ласково, как никогда прежде.

— Ну что вы, тётушка, разве это бредни? Я просто беру с вас пример. Я ведь тоже был здоровым гээр'ом, пока вы не раззвонили на всю деревню, что я мужьям смерть приношу.

Фан У и остальные уже знали об этом от Цинъюя, но до последнего сдерживались, желая убедиться во всём лично. Теперь сомнений не осталось.

Гнев, долго копившийся в душе Фан У, сменился пугающим спокойствием. Он и раньше знал, что за люди живут за стеной, но не представлял, что человеческая подлость не знает границ.

Ян Цюэ и Сун Хуань не выдержали. Схватив стоявшие у стены метлы, они бросились на гостью.

— Ах ты, гнилое сердце! Решила моего племянника грязью обливать? Да я тебя на месте прибью!

— Это ты — проклятая! Ты и вся твоя порода!

Бамбуковые прутья метел больно жалили тело. Цинь Лихуа отбросила притворную вежливость и завизжала как прирезанная:

— Сун! Не думай, что я дам себя в обиду! Ю Да! Чего стоишь, выходи скорее! Твою жену убивают!

— Люди добрые, смотрите! Семья Тао людей бьет! Мегеры Тао разбушевались!!!

Пока соседка металась по двору, пытаясь увернуться от ударов, Цинъюй успел увести братьев в дом и велел Циншу присмотреть за ними. Затем он быстро захлопнул калитку.

Заметив, что Цинь Лихуа несется к выходу, Цинъюй ловко подставил ей ножку. Женщина с размаху повалилась в грязь. Сун Хуань тут же оседлала её, вцепившись в волосы, и принялась отвешивать звонкие пощечины.

— Смеешь про моего мальчика гадости говорить?! Забью до смерти, паршивка!

В этот момент дверь соседского дома приоткрылась. На порог бочком выбрался Ю Далан.

— Слушайте меня, Тао! — выкрикнул он, хотя голос его дрожал от страха. — Я уже послал за старостой!

Фан У прищурился и коротко рассмеялся.

— Вылез-таки, трус. А я-то думал, где ты прячешься.

Он шагнул к соседу:

— Цинь Лихуа слишком глупа, чтобы самой такое выдумать. Это ведь ты годами на наш пруд заришься? Красть не получалось, так ты решил через такую подлость к нам в дом залезть?

Фан У развернулся, зашел в кухню и через миг вышел, сжимая в руке тяжелый тесак. Ю Далан в ужасе отпрянул назад, захлопнул дверь и запер её на все засовы.

Тесак с гулким стуком врубился в дерево. От этого звука у Ю Далана внутри всё похолодело, он бросился вглубь дома и забился в самый дальний шкаф.

— Безумец! На помощь!

— Мой сын — честный гээр, а твоя шлюха его перед всей деревней позорит! И после этого у тебя хватает наглости говорить о «подпорченной репутации»?!

— Гнилое семя! Решили больного в наш род подкинуть?!

— Будь проклят тот день, когда мы поселились рядом с вами!

Фан У наносил удар за ударом, вымещая ярость на дверном полотне. А за забором, во дворе Тао, истошно вопила Цинь Лихуа, придавленная к земле разъяренными родственниками.

На шум начали сбегаться сельчане. Узнав, в чем дело, они не спешили на помощь, а лишь осуждающе качали головами, глядя на лежащую в грязи женщину.

— Сяо Юй! Ты как, цел?

Цинь Чжу, расталкивая толпу, пробрался во двор.

— Мой дедушка идет!

Циньюй подмигнул другу и тут же что-то шепнул тётушке и второму дяде. Те мгновенно прекратили экзекуцию, отряхнули руки и помогли стащить Фан У с соседского крыльца — тот уже почти разобрал дверь по щепкам.

Фан У посмотрел на приближающихся людей и отшвырнул тесак подальше в траву.

— Староста Цинь, как удачно, что вы здесь, — заговорил он первым. — Рассудите нас перед лицом всех односельчан. Мой Юй-гээр — золотой ребенок, а эта женщина на каждом углу напраслину на него возводит. Все эти слухи — её рук дело! Ян Цюэ сам слышал, как она ядом брызгала.

— Мало того, — продолжал он, — она теперь решила, что её ложь стала правдой, и пытается навязать нам в мужья своего прокаженного племянника!

Цинь Лихуа, вдоволь отведав тяжелой руки домочадцев семьи Тао, лишь жалобно всхлипывала, пытаясь разжалобить старосту.

Цинь Чжуан больше всего на свете не любил пустых перепалок. Он сурово спросил:

— И вправду ли это она слухи пустила?

— Я от жены Чжоу слышала, — раздался голос из толпы.

Та самая женщина из рода Чжоу, вконец перепуганная недавним буйством семьи Тао, поспешно замахала руками:

— Нет-нет, не от меня! Я... я от Ван слышала!

— Мы тут ни при чем! — выкрикнул кто-то из семьи Ван. — Мы сами от Цинь Лихуа это услышали!

<http://bllate.org/book/15858/1441263>